

120.

№ 11.

АМВРОСІЙ.

ВРН
№ 90

ПРАВДА О РОСТОВСКИХЪ СОБЫТІЯХЪ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СТАТЬИ
„ЗНАЧЕНІЕ РОСТОВСКИХЪ СОБЫТІЙ“.

ИЗДАНИЕ „ЗАРИ“.

Цѣна 80 пф. = 1 фр.

событія, красивыя картинки. И Вы, какъ человѣкъ съ темпераментомъ, не довольны отсутствіемъ въ нихъ эффектности. Вы хотѣли бы, чтобы „Темерницкая сторона“ пошла штурмовать крѣпость самодержавія... участки полицейскіе, напр., не правда ли, какъ этапы къ самодержавію?

Вашъ принципъ и лозунгъ, — вооружившись восклицательнымъ знакомъ, съ руководителемъ во главѣ, маршъ на приступъ самодержавія! Не нервничайте, г. редакторъ, и не спешите сомнѣваться: на нашей „Темерницкой сторонѣ“ „чертополохъ не вырастетъ“. Пожелаемъ же и мы, съ своей стороны, Вамъ, чтобы на страницахъ Вашей газеты „Отклики“ тоже не произросло этого растенія. Мы знаемъ Васъ и цѣнимъ, но только до тѣхъ поръ, пока Вы не облачаетесь въ тогу демагогическаго величія.

На этомъ перекресткѣ наши дороги расходятся. Мы себѣ беремъ свою старую будничную работу, — организацію рабочихъ массъ на почвѣ ихъ экономическихъ интересовъ. На нашемъ пути стоитъ самодержавіе? Мы сломимъ его и на его развалинахъ водрузимъ знамя социализма.

Всѣ, кому дороги интересы трудящихся массъ, у кого идеаль — социализмъ, того мы зовемъ въ ряды нашей партіи. „Наше личное дѣло“¹ — есть дѣло освобожденія рабочаго класса отъ эксплуатаціи и гнета капитала. Сыпать же искрами „бенгальскихъ огней“ мы предоставляемъ другимъ... Намъ не „учителя жизни“ нужны, а товарищи въ борьбѣ съ уродливостями нашей жизни. Научитесь же быть товарищемъ!

Приложеніе.

ЗНАЧЕНІЕ РОСТОВСКОЙ СТАЧКИ.²

Всякій новый шагъ, сдѣланный русскимъ пролетаріатомъ на пути своего политическаго развитія, вызываетъ въ нашей революціонной средѣ новые споры по тактическимъ вопросамъ. Это вполне естественно и очень хорошо. Естественно — потому, что новые шаги рабочаго движенія служатъ для насъ новыми „уроками жизни“, а уроки жизни настоятельно требуютъ своего истолкованія. Хорошо — потому, что тактическіе споры содѣйствуютъ этому истолкованію и тѣмъ извѣщаютъ насъ, по крайней мѣрѣ, отъ нѣкоторыхъ практи-

¹ Редакція „Откликовъ“ совершенно не поняла смысла словъ „наше личное дѣло“, сказанныхъ Ставскимъ на одномъ изъ „митинговъ“. Рабочіе всего города бросали работу, но лишь на двухъ заводахъ формулировали опредѣленные требованія. Приглашая остальныхъ сдѣлать тоже, Ставскій сказалъ, что требованія, ради которыхъ бастовали желѣзнодорожники „наше личное дѣло“.

² Изъ № 32 „Искры“.

ческихъ ошибокъ и отъ тяжелыхъ разочарованій, неизбежно слѣдующихъ за практическими ошибками. „Практика“ — великая и ничѣмъ незамѣнимая вещь. Но сама по себѣ она еще ровно ничему не учитъ. Чтобы пользоваться ея указаніями, надо умѣть замѣчать и понимать ихъ.

О недавнихъ ростовскихъ событіяхъ много и горячо спорятъ теперь русскіе революціонеры. Мы отъ души радуемся этимъ спорамъ, но мы позволимъ себѣ замѣтить, что иное дѣло *судить* о какомъ-нибудь общественномъ явленіи, а иное дѣло *судачить* по его поводу. Судаченье бесплодно по самой природѣ своей. Оно не только ничего не выясняетъ, но, напротивъ, затемняетъ даже и то, что было ясно съ самаго начала. Къ сожалѣнію, о ростовскихъ событіяхъ многіе именно не *судятъ*, а *судачатъ* и это очень, очень жаль, ибо эти событія заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія.

Результатомъ судаченія являются, между прочимъ, тѣ обвиненія, которыя выдвигаются противъ нашего Донскаго Комитета. Эти обвиненія подчасъ поистинѣ комичны. Такъ, напримѣръ, одинъ „интеллигентъ“ (какъ видно, весьма неинтеллигентный) публично (т. е. на большомъ собраніи революціонеровъ) упрекалъ названный Комитетъ въ томъ, что тотъ не поддержалъ группы молодыхъ людей, явившихся съ революціонными *пѣснями* на одно изъ первыхъ собраній стачечниковъ. Передъ такими упреками можно не останавливаться. Всякій дѣльный революціонеръ безъ труда пойметъ, что бываютъ положенія, когда агитаторамъ совсѣмъ не до пѣсенъ. Но есть обвиненія, имѣющія болѣе серьезную *видимость*.

Нѣкоторые сторонники политической агитаціи находятъ, что Донской Комитетъ дурно поступилъ, не воспользовавшись волненіемъ ростовской рабочей массы для устройства демонстраціи. А иные идутъ такъ далеко, что приписываютъ ему, на этомъ основаніи, склонность къ печальной памяти „экономизму“. Передъ этимъ обвиненіемъ нельзя не остановиться, такъ какъ оно не только несправедливо, но и способно посягать рядъ самыхъ опасныхъ тактическихъ недоразумѣній.

Несправедливость его состоитъ въ томъ, что оно совершенно невѣрно изображаетъ дѣло. Демонстрація въ Ростовѣ была и притомъ очень величественная и необычайно продолжительная. Она началась въ четвергъ, 7 ноября, и окончилась только въ слѣдующій четвергъ, т. е. въ тотъ день, когда состоялось послѣднее массовое собраніе подъ открытымъ небомъ. Число участниковъ этой величественной и необычайно продолжительной демонстраціи, разумѣется, не оставалось неизмѣннымъ, но несмотря на всѣ колебанія, оно было очень велико, временами достигая до 20 и даже до 30 тысячъ. Такихъ демонстрацій у насъ еще никогда не бывало, и вотъ почему ростовскія событія составляютъ эпоху

въ исторіи нашего рабочаго движенія. Не понимать этого могутъ только тѣ, которымъ вообще не ясны значеніе и задачи нашей агитаціи въ рабочей массѣ.

Обвинителей ввела въ ошибку вѣщность явленія. Они привыкли думать, что уличное шествіе составляетъ необходимый признакъ демонстраціи, и потому, услышавъ, что въ Ростовѣ уличнаго шествія не было, они умозаключили, что не было и демонстраціи. Но названное шествіе вовсе не составляетъ необходимаго признака демонстраціи. Его не было во время демонстраціи передъ Казанскимъ соборомъ въ 1901 г.; его не было и во время демонстраціи передъ тѣмъ же соборомъ въ декабрѣ 1876 года. Скажутъ ли намъ, что тогда не было и демонстрацій? Наконецъ, если бы ростовскія народныя собранія подъ открытымъ небомъ и не были демонстраціями въ собственномъ смыслѣ этого слова; если бы намъ доказали, что ихъ правильнѣе назвать, напримѣръ, митингами для выраженія народнаго неудовольствія, то мы и въ этомъ не видимъ бѣды. Шекспиръ говоритъ гдѣ-то, что какъ бы мы ни назвали розу, она не утратитъ своего запаха. О ростовскихъ собраніяхъ мы скажемъ, что какое бы имя мы имъ не дали, мы все-таки должны будемъ признать, что они имѣли колоссальное вліяніе на развитіе классоваго самосознанія ростовскихъ рабочихъ. А развитіе классоваго самосознанія въ рабочемъ классѣ и есть та великая цѣль, которую мы преслѣдуемъ въ своей агитаціи, и если Донской Комитетъ достигъ ея, не прибѣгая къ демонстраціи, то отъ этого не уменьшилась его заслуга. Обвинители говорятъ, что Донской Комитетъ долженъ былъ вести собравшихся „въ балкѣ“ рабочихъ въ городъ. Но мы не понимаемъ, почему это было обязательно. Зачѣмъ было идти изъ „балки“ въ городъ, когда весь городъ шелъ „въ балку“? Почему Магометъ непременно долженъ идти къ горѣ даже въ томъ случаѣ, когда гора сама идетъ къ Магомету? Агитація агитаціи рознь. Есть агитація, плодотворная съ точки зрѣнія *соціал-демократовъ*, и есть агитація, полезная съ точки зрѣнія другихъ партій, напримѣръ, *анархистовъ* или такъ-называющихъ себя *соціалистовъ-революционеровъ*. Агитаціей занимались люди, говорившіе политическія рѣчи собравшимся „въ балкѣ“ ростовскимъ рабочимъ. И агитаціей занимались бы люди, которые воспользовались бы первымъ загороднымъ собраніемъ рабочихъ для того, чтобы вести ихъ въ городъ. Но между тѣмъ, какъ огромныя собранія „въ балкѣ“ послужили превосходнѣйшей школой политическаго воспитанія ростовскаго пролетаріата, демонстративное движеніе въ городъ могло бы закончиться такимъ столкновеніемъ съ военной силой, на которое потрадилась бы вся энергія совершавшагося тогда массоваго движенія и которое не только не подвинуло бы впередъ самосознанія массы, но надолго задержало бы его

развитіе. Съ точки зрѣнія *соціал-демократіи* такое столкновеніе было бы *вредно*. Мы должны не бояться жертвъ, когда онѣ полезны для дѣла, но мы обязаны избѣгать ихъ, когда онѣ не приносятъ пользы дѣлу или даже, — какъ было въ разбираемомъ случаѣ — отодвигаютъ его далеко назадъ. Но если бы мы не были *соціал-демократами*, если бы неизмѣннымъ критеріемъ въ нашихъ сужденіяхъ намъ не служилъ вопросъ о томъ, какъ повліяетъ данный шагъ революціонеровъ на развитіе классоваго самосознанія рабочаго класса, то мы разсуждали бы иначе. Мы твердили бы: „надо идти въ городъ“. А если бы шествіе въ городъ закончилось кровавой неудачей, мы сказали бы: вотъ новое доказательство того, что демонстраціи ни къ чему хорошему не ведутъ. Да здравствуетъ терроръ! Да здравствуетъ „боевая организація“, которая завоюетъ рабочему классу политическую свободу! (ср. опубликованныя „Рев. Рос.“ письма Кочура). По своему мы были бы очень логичны, но наша логика не имѣла бы ничего общаго съ логикой освободительнаго движенія пролетаріата.

Колоссальныя ростовскія собранія „въ балкѣ“ не только представляли въ своей совокупности чрезвычайно внушительную демонстрацію, но и свидѣтельствуютъ о томъ, что наша политическая агитація можетъ и должна войти теперь въ новую необходимую и плодотворную фазу.

До сихъ поръ у насъ и въ демонстраціяхъ обыкновенно обнаруживалось то раздѣленіе и та отчужденность „героевъ“ отъ „толпы“, которыя были въ одно и то же время и слѣдствіемъ, и причиной слабости нашего революціоннаго движенія. „Герои“ прохаживались передъ „толпой“, крича: „Долой самодержавіе!“, махая красными флагами и, по мѣрѣ возможности, отбиваясь отъ полицейскихъ бандитовъ. „Толпа“ прислушивалась къ „возмутительнымъ“ возгласамъ „героевъ“, читала надписи на красныхъ флагахъ, болѣе или менѣе сильно возмущалась полицейскими звѣрствами и болѣе или менѣе громко выражала свое сочувствіе демонстрантамъ. Но дальше этого дѣло не шло или шло очень рѣдко. Чаше всего „толпа“ оставалась сама по себѣ, а „герои“ сами по себѣ, и именно потому, что эти послѣдніе оставались сами по себѣ, имъ приходилось со стыдомъ уступать первому серьезному натиску со стороны полиціи. А это приводило ихъ къ сомнѣнію въ цѣлесообразности демонстраціи, какъ агитаціоннаго средства. Они — или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ — говорили себѣ и другимъ: „стоитъ ли выходить на улицу для того, чтобы послѣ самаго непродолжительнаго сопротивленія улепетывать отъ полицейскихъ кулаковъ и казацкихъ нагаекъ? Не лучше-ли, не цѣлесообразнѣе ли давать единственный отпоръ наиболѣе зарвавшимся царскимъ опричникамъ? И многимъ начало казаться, что поступать такъ будетъ дѣйствительно лучше и цѣлесообразнѣе. А разъ

Дон Механова

они приходили къ этому убѣжденію, — они начинали смотрѣть на такъ-называемый (на самомъ дѣлѣ никого не пугающій) терроръ, какъ на самое дѣйствительное средство революціонной борьбы, приписывая демонстраціямъ лишь второстепенное, подчиненное значеніе. А терроръ роковымъ образомъ привелъ бы къ еще большому отчужденію „героевъ“ отъ „толпы“ и къ еще большому ослабленію силъ „героевъ“. Такимъ образомъ, весь ходъ нашей политической агитаціи неизбѣжно приводилъ насъ къ слѣдующему противорѣчію: въ интересахъ развитія политическаго самосознанія въ массѣ мы должны были прибѣгать къ демонстраціямъ, а прибѣгая къ демонстраціямъ, мы, противъ всякаго ожиданія, укрѣпляли то настроеніе въ революціонной средѣ, въ результатъ котораго явился бы фактической отказъ отъ непосредственнаго воздѣйствія на массу. Разрѣшить это противорѣчіе можно было только однимъ путемъ: путемъ устраненія той причины, которая вызывала слабость силъ демонстрантовъ. А такъ какъ эта причина заключалась въ томъ, что демонстраціи были дѣломъ не „толпы“, а однихъ только „героевъ“, то нужно было, чтобы „герои“ перестали существовать въ качествѣ отдѣльнаго отъ „толпы“ элемента. Другими словами, необходимо было придать демонстраціямъ *массовой характеръ*. На эту необходимость мы указывали еще въ № 14 нашего органа.

И вотъ ростовскія событія показали, что мысль о сліяніи „героевъ“ съ „толпой“ не имѣетъ въ себѣ ничего несбыточнаго. Въ ноябрѣ прошлаго года въ Ростовѣ-на-Дону не было ни „героевъ“, ни „толпы“, а была огромная, многотысячная масса рабочихъ, неудержимо рвавшаяся въ новую сознательную жизнь и готовая самоотверженно бороться со своими угнетателями и усыпателями. „Герои“ исчезли въ „толпѣ“, „толпа“ слилась съ „героями“. Она сама прониклась героическимъ самосознаніемъ и потому перестала быть „толпою“, превратившись въ сознательный отрядъ сознательной арміи международнаго пролетаріата.

И какъ только состоялось это превращеніе, сейчасъ же всѣмъ стало ясно, что теперь полицейскіе бандиты совсѣмъ не такъ сильны и страшны, какъ были прежде. „Боишься ли ты атамана?“ спросилъ одинъ изъ ораторовъ у рабочихъ, собравшихся на балкѣ. — „Нѣтъ, не боюсь!“, дружно отвѣчали рабочіе. — „Стало быть, мы будемъ продолжать наше собраніе?“ спросилъ онъ опять. — „Да, будемъ продолжать!“, какъ одинъ человекъ отвѣчала вся огромная масса. И собраніе продолжалось на глазахъ у удивленныхъ и испуганныхъ бандитовъ полицейскаго „порядка“, которые должны были понять тогда, — если они еще не совсѣмъ утратили способность пониманія, — что на общественную сцену Россіи выступаетъ новая, могучая сила.

Если дѣло приняло такой счастливый и многозначительный оборотъ, то этимъ мы въ значительной степени обязаны находчивости, благоразумію и такту нашего Донского Комитета, который сумѣлъ избѣжать тактическихъ односторонностей и извлечь изъ событій наибольшую долю того, что можно извлечь изъ нихъ для политическаго воспитанія рабочихъ. Этимъ онъ оказалъ нашему движенію большую услугу. И чѣмъ скорѣе распространится въ русской социаль-демократической средѣ сознание важности этой услуги, тѣмъ болѣе очевидно станеть для cadaго изъ насъ, до какой степени неосновательны нападки¹, сыплющіяся на Донской Комитетъ со стороны тѣхъ людей или даже цѣлыхъ направленій, у которыхъ очень слаба сила сужденія, но за то очень сильна потребность *судачить*.

Да, ростовскія событія открыли собою новую эпоху, эпоху *массовыхъ демонстрацій*. Демонстраціи „героевъ“, прохаживающихся передъ „толпою“, отжили свое время и утратили свое значеніе. Теперь демонстраціи должны быть массовыми или ихъ вовсе не должно быть. Говоря это, мы ни на минуту не забываемъ о томъ, что массовыя движенія не могутъ быть вызываемы по произволу той или другой революціонной организаціей. Онѣ готовятся общимъ ходомъ социальнаго развитія. Но люди, понимающіе ходъ этого развитія, могутъ способствовать его *ускоренію*. Въ томъ и состоитъ отличіе социальной демократіи отъ другихъ политическихъ партій, что ея дѣятельность является сознательнымъ выраженіемъ безсознательнаго общественнаго процесса, который дѣлаетъ изъ пролетаріата передовую общественную силу. Разъ мы убѣдились въ томъ, что теперь начинается эпоха массовыхъ демонстрацій, мы должны сообразно съ этимъ убѣжденіемъ направить всю свою подготовительную агитационную работу. „Искра“ уже указывала на агитацію въ студенческой средѣ, какъ на такую, которая въ извѣстной мѣрѣ можетъ служить образцомъ для агитаціи въ средѣ пролетаріата. Студенческимъ „волненіямъ“ послѣднихъ лѣтъ предшествовала обыкновенно систематическая, подготовительная работа, выяснявшая смыслъ начинавшейся борьбы и значеніе выставляемыхъ требованій. Извѣстно, что даже и такая систематическая работа не приводила къ полному единодушію между студентами. Въ ихъ средѣ всегда находились элементы, относившіеся къ движенію несочувственно или просто равнодушно. Это не удивительно; такіе элементы найдутся всегда и вездѣ. Но важно то, что, благодаря систематической подготовкѣ движенія, къ нему присоединялись всѣ студенты, по своему умственному развитію и по своимъ нравственнымъ свойствамъ способные къ нему присоединиться.

¹ Эта статья была уже набрана, когда мы получили № 15 „Рев. Россіи“, дающій замѣчательные образчики этихъ неосновательныхъ нападокъ.

Студенческое движеніе располагало, вслѣдствіе этого, наибольшимъ числомъ тѣхъ силъ, которыми оно могло располагать. И потому съ нимъ такъ трудно было справиться. А то политическое движеніе, которое должно увлечь за собою всѣ живые элементы пролетаріата, до сихъ поръ увлекало только незначительный его слой, между тѣмъ какъ другіе его слои оставались неподвижны, несмотря на то, что и въ нихъ накопился уже не малый запасъ революціонной энергіи. До нихъ не достигали политическіе призывы социальной демократіи, и потому они не давали на нихъ никакого отклика. А этимъ неизбежно обуславливалась слабость нашего политическаго движенія. Чтобы устранить ее, намъ нужно подготовить свои демонстраціи такъ же старательно, какъ подготавливаетъ передовое студенчество свои „волненія“ среди учащейся молодежи. Намъ нужно звать на борьбу всѣ тѣ элементы рабочей массы, которые уже способны примкнуть къ ней. Въ этомъ случаѣ намъ помогутъ „возмутительныя воззванія“, если только мы съумѣемъ — а мы обязаны съумѣть — придать имъ дѣйствительно массовое распространеніе. Наконецъ, намъ необходимо опосредствовать развитію тѣхъ элементовъ пролетаріата, которые еще не пробудились отъ своей политической дремоты. Это наши товарищи будущаго времени. Сегодня они еще боятся „политики“ и потому неохотно слушаютъ политическихъ агитаторовъ. Но скоро, — можетъ быть, не далѣе, какъ завтра, — они поймутъ, что „политика“ социаль-демократіи есть политика ихъ собственныхъ, насущныхъ и осознательныхъ классовыхъ интересовъ, — и тогда они будутъ отвѣчать восторженнымъ „ура!“ на наши политическія рѣчи. А чтобы имъ сталъ понятенъ смыслъ нашей „политики“, мы, принимаясь за агитацію въ ихъ средѣ, должны исходить именно изъ насущныхъ и осознательныхъ интересовъ, всѣми силами стараясь, въ тоже время, обнаружить противорѣчіе этихъ интересовъ съ интересами существующаго порядка. Ростовскія событія показали, между прочимъ, что при умѣломъ веденіи дѣла насъ ждетъ здѣсь вѣрный и скорый успѣхъ. А успѣхъ означаетъ въ этомъ случаѣ не болѣе, не менѣе, какъ то, что къ революціонной арміи постоянно будутъ примыкать свѣжія, все болѣе и болѣе густыя, все болѣе и болѣе многочисленныя колонны, и политическая борьба, начатая „революціонной бациллою“, все болѣе и болѣе будетъ становиться массовымъ движеніемъ, борьбой цѣлаго класса.

Много тяжелой работы предстоитъ намъ впереди! Но это то и хорошо! Даромъ ничто не дается, а наша тяжелая работа быстро приближаетъ насъ къ нашей великой цѣли. *Весело жить въ такое время!*

Гос.
Публикация
Библиотека

Кас

Вос. Мил